

Цзюли был предельно собран. Весь мир для него перестал существовать, сузившись до единственной цели — призрачного волка.

В какой-то миг клинок в его руке словно слился с ним воедино. Ярость, вспыхнувшая в сердце ради любимого человека, стерла границы между реальностью и игрой: приемы стали неуловимыми, а движения — текучими. Каким бы свирепым ни был зверь, он не мог выстоять против решающего удара Лиртэ Райнсмана. В этот момент Цзюли отчетливо осознал: он все тот же Лиртэ, легендарный генерал, и время над этим не властно.

Шкала здоровья призрачного волка опустилась до критической отметки. Оказавшись на грани гибели, зверь забился еще яростнее. Его костяк увеличился в несколько раз, заполнив собой почти все пространство шахты. Цзюли оказался в ловушке: теперь волку даже не нужно было атаковать — любое его движение могло просто раздавить противника или выплеснуть волну энергии, смертельную для игрока такого уровня.

Ли Хуайхэн, все еще лежавший на земле в режиме ожидания возрождения, не удержался от комментария в чате:

«Навыки у этого босса просто безумные. Без горы зелий и жреца, который будет без устали латать шкалу здоровья, здесь ловить нечего».

Но так ли это на самом деле? Неужели у десятиуровневого босса в стартовой локации лишь одно решение — грубая сила и аптечки?

Цзюли продолжал атаку, лихорадочно соображая. Зажатый в угол зверь перешел к своей финальной, самой опасной фазе. Уклоняясь, Цзюли просчитывал момент для решающего выпада, попутно выискивая слепую зону в движениях волка.

Монстр вскинул голову и издал протяжный вой. Его длинный костяной хвост вдруг оброс мириадами белых призрачных игл и со свистом полоснул по воздуху. Удар накрывал всю пещеру — бежать было некуда.

«Как глупо», — усмехнулся Цзюли.

Он резко оттолкнулся от земли. Заметив летящий к нему белый хвост, он вонзил в него меч, используя оружие как опору, а левой рукой выхватил из инвентаря охапку травы восстановления здоровья. Не заботясь о вкусе, он запихнул ее в рот, чтобы хоть немного восстановить тающее здоровье. Перепрыгнув через препятствие, он на ходу выдернул застрявший клинок и сменил его на запасной.

Словно акробат, Цзюли пробежал по призрачному хвосту, взобрался на хребет монстра и в несколько прыжков оказался прямо у него на затылке.

Ли Хуайхэн наблюдал за этой сценой затаив дыхание. В режиме смерти он мог видеть поле боя со всех сторон. В его голове вдруг мелькнула мысль: с самого начала квеста игра давала им подсказки. Тот волчий клык, который нашел староста деревни, был ключом ко всему — именно он должен был стать решающим инструментом в победе над зверем.

Цзюли тоже вспомнил алтарь с рассыпанными зубами. Мысленно он сопоставил их положение и понял, какого именно клыка не хватает в челюсти монстра.

Действуя без малейшего промедления, он полоснул мечом по пасти волка, собиравшегося его проглотить. Раздался звонкий щелчок — клинок переломился пополам.

В инвентаре остался только тяжелый топор. Цзюли отбросил и его. В отчаянном прыжке он ухватился руками за нижнюю челюсть волка. Не было ни крови, ни спецэффектов, но острые как бритва зубы глубоко вонзились в его ладони. Шкала здоровья Цзюли стремительно пустела.

Он подтянулся, а волк в тот же миг сомкнул челюсти. Ли Хуайхэн вздрогнул — ему безумно захотелось немедленно воскреснуть и прийти на помощь. Маги могли использовать лишь простейшую технику исцеления, у них не было массовых молитв или воскрешающих чар жрецов.

Движения зверя в глазах Цзюли словно замедлились. Беглого взгляда хватило, чтобы заметить среди рядов костяных клыков один шатающийся.

Упираясь одной рукой в челюсть, Цзюли второй намертво вцепился в этот зуб. Волк попытался закрыть пасть.

Цзюли, преодолевая боль, резким движением вырвал руку вместе с добычей. В его кулаке был зажат клык, а последние крохи здоровья монстра испарились в тот же миг.

Цзюли поспешно зажевал еще несколько пучков травы восстановления здоровья, чтобы остановить падение НР, и спрыгнул на землю. Это была игра, и хотя такая слабость босса казалась странной, она вполне вписывалась в логику квеста.

Волчий скелет начал рассыпаться белой пылью, тая в воздухе. Казалось, он пришел из небытия и туда же возвращался.

Ли Хуайхэн замер, глядя на эту картину. Светящаяся пыль походила на освобожденную душу зверя. Перед глазами игроков внезапно развернулось видение — сюжетный ролик.

Белоснежная шерсть, огромная стая, величественный вожак... Они долго кочевали по степи, пока однажды не попали в засаду хищников. Вся стая погибла, их тела остались гнить под открытым небом на растерзание стервятникам.

Но снежный волк выжил. Его спас бродячий разбойник. Выпавший в бою клык тот разбойник подобрал и сделал из него амулет, который с тех пор всегда носил на шее.

Благодарный зверь остался с человеком. Когда разбойник скрывался в тенях, готовя нападение, волк затаивался рядом. Когда разбойник купался в лучах славы, волк разделял с ним триумф. В битвах с сильнейшими врагами и в странствиях по миру они всегда были вместе.

Их судьбы переплелись навеки, но природа волка не позволила ему пережить хозяина.

Разбойник похоронил верного друга в этой шахте, пообещав, что когда придет его срок, он вернется и ляжет рядом. Одержимый этой клятвой, зверь стал нежитью. Год за годом, столетие за столетием он ждал в темноте, пока преданность не превратилась в безумное проклятие.

Хуайхэну показалось, что из пустых глазниц исчезающего скелета потекла призрачная слеза, прежде чем всё окончательно развеялось. Лишь один настоящий волчий клык с глухим стуком упал на каменный пол.

С босса посыпалось снаряжение, но игрокам было не до добычи. Простая, в сущности, история оставила в душах горький осадок.

Цзюли подошел и подобрал вещи. Ли Хуайхэн, погибший во время боя, получил чуть меньше опыта и не мог сам поднимать трофеи, но в остальном награда была общей.

Цзюли взял тот самый клык. На нем виднелось крошечное отверстие — след от шнурка, на котором его когда-то носил человек.

Один написал в чате, другой произнес вслух почти одновременно:

— Разбойник должен быть где-то поблизости.

Ли Хуайхэн собрался было нажать кнопку возрождения, но Цзюли, заметив его спешку, вдруг спросил:

— Ты что, не настроил порог болевой чувствительности при смерти?

Мертвые персонажи не могут менять выражение лица, иначе Хуайхэн сгорел бы со стыда. Цзюли лишь вздохнул и негромко обронил:

— Дурачок.

Ли Хуайхэн готов был «восстать из мертвых» прямо сейчас, лишь бы поспорить, кто из них на самом деле дурачок.

Поскольку это была виртуальная реальность, после ожесточенной битвы на теле Цзюли не осталось ни царапины. Но Хуайхэн вспомнил, как тот сражался, и в голове мелькнула догадка:

— Погоди... А ты сам разве не отключил боль?

Речь шла не только о моменте смерти, но и о боли от ран во время боя.

Как новичок, Ли Хуайхэн и понятия не имел, что в настройках есть разделение на общие ощущения и «смертельный шок». Сам он, думая, что все отключил, на собственной шкуре почувствовал, как больно умирать. Но Цзюли... Зачем человеку добровольно подставляться под такие ощущения?

Хуайхэн не считал себя любопытным, но этот человек — или, вернее, сам Цзюли — вызывал у него всё более острое желание узнать его получше. Ему казалось, что за плечами Цзюли стоит какая-то большая и непростая история.

Цзюли не ответил прямо:

— Возвращайся скорее с точки возрождения. Нам нужно отдать этот клык разбойнику.

Обычный игрок решил бы, что квест выполнен, и побежал бы к старосте за наградой, но эти двое мыслили иначе.

Поняв, что ответа не будет, Ли Хуайхэн нажал кнопку воскрешения.

... Кто-нибудь, скажите, какой «гений» проектировал этот этап игры? Ли Хуайхэн сидел в тесном помещении, похожем на тюремную камеру, и с тоской взирал на таймер: десять минут. Всё это время он был заперт в «одиночке», отрезанный от внешнего мира и связи.

И все десять минут система зачитывала ему лекцию о том, что «жизнь священна», а пренебрежение собственной безопасностью — это дурной поступок. Хуайхэн мог лишь подивиться усердию разработчиков, так рьяно заботящихся о моральном облике «цветов нации».

Он втихомолку ворчал на Цзюли — мог бы и предупредить, что после смерти в игре приходится проходить через это чистилище! Наконец время истекло, и его выставили вон. Он появился в деревне, на специальной площадке для возрождения.

Не успел он оглянуться, как его чуть не смела толпа. Игроки сыпались на площадку, точно

горох из мешка. Хуайхэн проводил их сочувственным взглядом — видимо, у них был такой же «неудачный опыт».

Уточнив координаты, он поспешил к Цзюли. Едва завидев напарника, Хуайхэн начал жаловаться:

— Почему ты не сказал, что после респауна меня ждет десятиминутная политинформация о вреде самоубийства?

Глядя на его несчастное лицо, Цзюли не выдержал и улыбнулся.

Глаза Ли Хуайхэна мгновенно вспыхнули. Лицо Цзюли было самым заурядным, но стоило ему улыбнуться, как он преображался — взгляд становился глубоким и притягательным, точно ночное небо.

Спрятав внезапное смущение, Хуайхэн быстро сменил тему:

— Так куда, по-твоему, нам нести этот клык?

<http://bllate.org/book/17471/1695628>